

Мария Тихоненко,

БГУ, Минск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АВТОРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ АЛЛЮЗИЙ И СИМВОЛОВ В РОМАНЕ ДИНО БУЦЧАТИ «ТАТАРСКАЯ ПУСТЫНЯ» И В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ХРИСТОС ПРЫЗЯМЛІЎСЯ Ё ГАРОДНІ»

Стоит внимательно прислушаться к речи, звучащей вокруг нас, и можно насчитать не менее десятка оборотов, фраз, слов, вошедших в нашу повседневность из текста Библии. Влияние Библии на формирование и развитие языков народов, приобщенных к христианской культуре, трудно переоценить. Библия привлекала к себе внимание многих мастеров слова, классиков как белорусской, так и итальянской художественной литературы, в чьих произведениях лексика со специфически библейской стилистической окраской и тембром звучания обрела новую жизнь и прочно вошла в язык с соответствующими коннотациями.

Традиция обращения к Священному Писанию охватывает общечеловеческое культурное пространство от древних апокрифов до современных литературных рецепций библейского материала. Хронотоп интерпретаций мотивов, сюжетов и образов Книги Книг, а также художественных аллюзий на них поистине необъятен. Франциск Скорина в предисловии к Библии отмечал: «Тут научение седми наук вызволенных достаточнае...» [4, с. 10]. Перед мастерами слова в процессе осмысления Библии открывались не только новые образы и мотивы, но и многочисленные жанровые формы и стили, художественные интенции и эстетические возможности.

Какими бы разными ни были формы и способы интерпретации библейского материала, обусловленные временной, национальной, социальной, конфессиональной принадлежностью писателя, каждый автор открывает для себя Библию как источник неисчерпаемого вдохновения. «Книга, в которой нет места случайному, формула неисчислимых возможностей, безупречных переходов смысла, ошеломляющих откровений, напластований света. Можно ли удержаться от соблазна снова и снова на все лады перетолковывать ее?...» [1, с. 227] – писал Х.Л.Борхес.

Библейские тексты нашли свой многомерный и многообразный отзвук в творчестве белорусского писателя Владимира Семеновича Короткевича, который по праву считается одной из наиболее ярких фигур в отечественной литературе XX столетия, и в творчестве итальянского писателя середины XX века Дино Буццати, который стоял особняком, вне литературных школ и направлений, мастер фантастико-психологических новелл и романов.

Для обоих авторов Книга Книг стала своего рода смыслопорождающим текстом, метатекстом, вызывающим к жизни новые аллюзии и символы на страницах их произведений. В работах Дино Буццати и Владимира

Короткевича на первый план выходит проблема человеческого бытия, суть его существования, проблема жизни и смерти, осознание уникальности человека и частой несовместимости его мировоззрения с интересами общества. Наиболее ярко данные тенденции можно проследить в романе-параболе «Татарская пустыня» Д. Буццати и в историческом романе «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» В. Короткевича. В сложных художественных системах обоих романов, насыщенных аллюзиями, символами и реминисценциями, которые отсылают читателя в произведения разных народов и эпох, стержневой является именно библейская константа. Она выполняет роль структуро- и сюжетообразующей доминанты, позволяя читателям глубже заглянуть в скрытый смысл романа-притчи, коим является и произведение Д. Буццати, и произведение В. Короткевича. В предисловии к роману Дино Буццати «Татарская пустыня» Хорхе Луис Борхес отметил, что «единственное время, которое невозможно постичь одним человеческим разумом, – это современность» [2, с. 5]. Литература XX века предстает перед нами во всем своем многообразии, именно по этой причине данное столетие справедливо назвали неклассическим. Этот век представил нам образ писателя-философа, психолога, творца, который отодвигает рационализм на второй план, предлагая читателю пропущенную через индивидуальное сознание человеческую историю, свою маленькую истину-исповедь.

Именно богатая палитра библейской символики и аллюзий, ритмизированная проза, синтаксические конструкции придают обоим романам колорит библейской притчи. В романе «Татарская пустыня» и в романе «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» особый интерес вызывают лексические особенности авторского языка, которые позволяют глубже проникнуть в сакраментальный смысл произведений. Притча выступает как самый подходящий жанр для писателя, который обращается к первоосновам человеческого бытия, к внутреннему миру индивидуума. Символика притчи ориентирует читателя на постижение скрытого смысла, на разгадку тайн бытия. Притча интеллектуальна, экспрессивна и субъективна. Именно субъективизм, использование мифологических образов и библейских символов объединяют прозу В. Короткевича и Д. Буццати с этим жанром.

Смысл притчи воспринимается по-разному каждым читателем. Существует множество вариантов прочтения одной притчи, именно по этой причине литературоведам не всегда удается верно раскрыть смысл той или иной притчи. Для каждого читателя в притче кроется свой смысл, поскольку именно благодаря полисемичности данный жанр представляет собой настоящий калейдоскоп, который таит в себе неповторимую многогранность и разноплановость прочтения.

Для точной характеристики авторского стиля Дино Буццати и Владимира Короткевича можно обратиться к словам Хосе Ортеги-и-Гассета: «Искусство на этом этапе остается окном, через которое смотрят, только

смотрят не изнутри наружу, а извне вовнутрь, в помещение, погруженное в потемки, где разглядеть что-либо трудно и надо приспособлять зрение к темноте». Трагизм личный и трагизм эпохи, своеобразная концепция действительности, постижение смысла окружающего мира, тайн бытия и человеческой души проявились как в исторических и философских произведениях В. Короткевича, так и в новеллах и притчах Д. Буццати.

Произведения Короткевича, наполненные вопросами экзистенциального характера, подняли белорусскую прозу на новый уровень, приблизили ее к мировому контексту. Особенность произведений Короткевича заключается в том, что к общечеловеческой проблематике он пришел через национальное. Неисчерпаемым источником вдохновения для писателя стала история его родного края, самобытное белорусское творчество и национальный колорит.

Нетрадиционное мировоззрение Д. Буццати, его жизненный опыт нашли отражение в новеллах-притчах. Писатель в своем творчестве обращается к первоосновам человеческого существования, к внутреннему миру индивидуума. В контексте мировой литературы сам Д. Буццати позиционировал себя как наследник Э. По, О. Уайльда, Ф. Достоевского и готических романов, а литературоведы и исследователи (в том числе Х. Л. Борхес) отмечают также влияние Ф. Кафки, который, как и Д. Буццати, смело оперировал различными измерениями бытия и играл человеческим сознанием.

Глубокая символическая наполненность обоих произведений позволяет выделить ряд схожих библейских аллюзий и образов, к которым обратились авторы на страницах своих романов. Одним из эмблематических мотивов в романах выступает мотив пути, который предстоит пройти Джованни Дрого и Юрасю Братчику. Героев ожидают значительные события, которые повлияют на их мировоззрение, и испытания, которые им предстоит мужественно преодолеть. Возникает аналогия с библейским сюжетом: «И сказал Господь Моисею: пойдя, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской, в землю, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «потомству твоему дам ее» (*Ветхий Завет, Исход, 33:1*). Жизнь Моисея – это также парадигма осмысления самого себя и своего призвания. Ему суждено сотворить роковые события, а именно: «сотворить народ силой своей воли и духа», преодолеть внутренние сомнения и колебания, отправиться по воле Божьей в Египет, чтобы предстать перед фараоном и вместе с братом Аароном произнести: «Отпусти народ Мой...» (*Ветхий Завет, Исход, 5:1*). Путь Дрого и Братчика – это движение, развитие, поиск в широком смысле слова, разрушение ложных святынь и осознанное возведение новых. Композиционно романы организованы таким образом, чтобы можно было проследить постепенное становление главных героев, их попытки трансгрессивного выхода за пределы привычного мировоззрения.

Кроме борьбы с врагами и угнетателями происходит и иная борьба – с собой, внутри себя.

Метафора пути, дороги, путешествия выполняет одну из самых значимых функций в Библии. Путь самопознания представляет собой парадигму человеческой жизни от материнского чрева до могилы, он неизменно ассоциируется с поиском, обновлением, постижением миропорядка, а сам человек предстает в качестве путника, пилигрима. Как и для Братчика, для Дрого дорога испытаний оборачивается духовным возвышением – к себе подлинному: «Вольныя мы з’явіцца ў гэтым свеце і ў гэты час, але не вольныя выскачыць з іх. Кожнага кліча ў свой час зямля» [3, с. 282].

С точки зрения экзистенциализма герой Д. Буццати так и не смог достичь подлинного существования, не обрел собственной экзистенции и свободы. Для Сартра свобода – это выбор человеком своего бытия, накладывающая на него ответственность за все, что происходит в мире. Человек таков, каким он себя выбрал, он есть проект самого себя. В философии экзистенциализма феномен свободы неотделим от феномена выбора. По мнению М. Хайдеггера, быть свободным означает не поступать и не думать так, как все, а подлинно обрести себя. Исходным понятием экзистенциализма является заимствованное у С. Кьеркегора понятие экзистенции (*inter-esse*), понимаемое им как «бытие – между». По М. Хайдеггеру и Ж.-П. Сартру, экзистенция – это бытие, направленное к ничто и сознающее свою конечность. Постигнув себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, и это накладывает на него ответственность за все происходящее в мире. Определяя экзистенцию через конечность, экзистенциализм трактует ее как временность, точкой отсчета которой является смерть.

Роман «Татарская пустыня» в контексте экзистенциализма обретает неразрешимый конфликт: вечность и мимолетность бытия. Д. Буццати подчеркивает на страницах романа, что смерть неизбежна. На первый взгляд при трактовке данного аспекта возникает аналогия с позицией Ф. Кафки о бессмысленности и абсурдности бытия. Однако в отличие от Ф. Кафки Д. Буццати подчеркивает на примере лейтенанта Дрого тот факт, что человек может противостоять неотвратимому бегу времени, попытаться вырваться из рутины, обрести смысл и надежду, пусть даже это произойдет в конце его жизненного пути. Роман пронизан безусловным гуманизмом. Для Д. Буццати, как и для В. Короткевича, гуманизм является интенцией человека на раскрытие подлинного потенциала, собственного Я, и, тем самым, на обретение свободы. По мнению М. Хайдеггера, быть свободным означает не поступать и не мыслить так, как все, а найти себя, свой смысл подлинного существования. Вспомним слова Юрася Братчика, обращенные к бургомистру Гродно Юстину: «Значыцца, умацуйся ў мужнасці сваёй, сурова

сей пасеў свой, не давай яго затаптаць, не спадзявайся, што лёгка аддадуць праўду. Чакай кожную хвіліну бойкі і плахі. Вось – вера. А іншай няма» [3, с. 347].

Библейские моральные императивы в текстах произведений Д. Буццати и В. Короткевича представлены двояко: как христианские заповеди и как категории человеческой, земной морали. Этот дуализм можно правомерно экстраполировать на романы в целом: каждый образ, каждый поступок того или иного героя имеет двоякое толкование. В романе-притче «Татарская пустыня» и в историческом романе «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» не дается однозначной оценки ситуациям или поступкам героев, поскольку и Д. Буццати, и В. Короткевич поднимают на страницах своих произведений извечный вопрос о смысле существования человека. Преломляясь в призме перцепции библейских текстов авторами романов, символы и аллюзии на страницах «Татарской пустыни» и «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» обретают новые интерпретации. Эти интенции не только придают фон общему тону повествования, но и, иногда выделяясь из него, несут в себе основные структурно-содержательные характеристики.

Літаратура

1. Борхес, Х.Л. «Оправдание каббалы» / Х. Л. Борхес; пер. В.Багно. – СПб.: Интеркомъ, 1992. – С. 225–229.
2. Буццати, Д. Татарская пустыня / Д. Буццати; пер. Ф. Двин. – СПб.: Амфора, 2003. – 302 с.
3. Караткевіч, У. Поўны збор твораў : у 25 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2015. – Т. 9 : Хрыстос прыямліўся ў Гародні. – 590 с.
4. Францыск Скарына і яго час : энцыклапедычны даведнік. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1988. – 608 с.